

**Отзыв официального оппонента на диссертацию
диакона Антона Владиславовича Щепёткина
«Уставные особенности богослужения в Русской Церкви XI–XIV вв.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата теологии
по специальности 26.00.01 – теология**

Диссертация диакона А. В. Щепеткина рассматривает корпус славянских богослужебных книг русского происхождения, датированных XI–XIV вв., и их связь и степень взаимодействия со Студийско-Алексиевским уставом (далее, САУ) с целью описания богослужения в Русской Церкви в указанную эпоху. Описанию его структуры свои труды посвятили выдающиеся российские литургисты конца XIX–начала XX вв., в первую очередь А. А. Дмитриевский и его ученик прот. Михаил Лисицын, но их представления были основаны на точке зрения, впоследствии признанной ошибочной, что в первые века на Руси преобладал т. н. Устав Великой Церкви, т. е. богослужение константинопольского собора Св. Софии. В начале XXI в. важнейшим вкладом в наше понимание древнерусского богослужения указанной эпохи стало предпринятое А. М. Пентковским издание текста САУ. На данный момент в научной литературе принято признавать САУ главным регулятором богослужения на Руси в указанный период («период господства Студийского устава»)¹, но степень соответствия корпуса славяно-русских богослужебных книг и САУ остается слабо изученной. Так как именно этот корпус книг – и в первую очередь Часослов, – а не Типикон, имеет первичное значение при отправлении богослужения, то картина богослужения в Древней Руси в указанную эпоху остается неполной и реальное значение в ней САУ продолжает активно обсуждаться в литургической науке. Тем самым определяется **актуальность** представленного соискателем исследования, в котором предпринимается попытка описать уставные особенности древнерусского богослужения указанного периода и выявить реальную роль САУ в богослужебной практике.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, словаря терминов, списка литературы (состоящего из 453 единиц, включая 24 единицы на иностранных языках) и списка таблиц. К диссертации прилагаются четыре приложения. Во введении указаны актуальность, степень изученности проблемы, цель и задачи исследования, объект и предмет исследования, хронологические и географические рамки, источниковая база, методология, научная новизна, положения, выносимые на защиту (их четыре), теоретическая и практическая значимость, апробация и структура работы. Раздел «состояние вопроса» выполнен корректно и диссертант смог учесть все основные исследования по данной проблематике. Источниковой базой исследования послужил массив славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв. (ок. 170 ед.), которые диссертант смог изучить *de visu* или по фотографиям.

В первой главе диссертации, после исторической справки о Студийском монастыре, диссертант описывает сохранившиеся списки САУ, опираясь, преимущественно, на исследования А. М. Пентковского и Е. В. Ухановой. В результате диссертантом выдвигается первое положение, выносимое на защиту: сохранившиеся списки САУ можно разделить на две версии, монастырскую и кафедрально-соборную (с. 54–55), причем к кафедрально-соборной версии принадлежат список ГИМ. Син. 333 и фрагмент ГИМ. Хлуд. 16-д + РНБ. Погод. 48. Такая классификация списков САУ действительно кажется удачной и позволяет судить о степени бытования САУ в Древней Руси.

Во второй главе диссертант приступает к анализу древнерусских Часословов (точнее, богослужебных сборников) XIII–XIV вв. и степени их соответствия САУ. Это 12 сборников, описанных Е. Э. Сливой под общим названием «студийский Часослов», к которым добавлен еще один памятник (РНБ. Соф. 1129), введенный в научный оборот диссертантом. Кажется, что данная глава диссертации является наиболее уязвимой из-за того, что данные памятники

1 См. напр. Желтов М. С., Праводолюбов С., прот. Богослужение Русской Церкви. X–XX вв. // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. С. 485–517. На с. 486–8.

не являются гомогенными, а описываемая в них система богослужения часто отличается от той, которую предполагает САУ. Как было показано еще в диссертации свящ. И. Шугаева, богослужебные сборники, содержащие, помимо Часослова, также Праздники и Шестоднев (в частности, это – РНБ. Ф.п.1.73 [«Рязанский служебник»]; ГИМ, Син. 325; РГАДА. Тип. 46; и разделенный сборник БАН. Арх. ком. 171 + ИРЛИ. Кар. 476) отражают отдельную богослужебную систему, в которой полный корпус богослужебных книг не был необходим и не использовался². Предположительно эти сборники употреблялись для келиотского богослужения и имеют афонское происхождение; возможно, ввиду упоминания в них священника и дьякона, они использовались не только келейно, но и в малых монастырях и приходах. В любом случае, описываемое в них богослужение отличается от богослужения по САУ по ряду параметров: отсутствием кафизм на утрене, чтением утреннего евангелия после славословия, а не перед канонами, наличием в ряде памятников междочасий, неизвестных САУ. Диссертант отмечает (с. 155), что ближе к структуре САУ находятся Часословы, не соединенные в единый кодекс с Шестодневом и не содержащие междочасий (в частности, это – РГАДА. Тип. 76 и Синай, Слав. 13). Однако здесь также нельзя говорить о тождестве богослужебной системы, ибо эти памятники содержат славословие в константинопольской редакции. В Шестодневах же, присоединенных к Часословам в богослужебных сборниках, всегда присутствуют стихиры «на хвалитех», а стиховные стихиры утрени отсутствуют. Таким образом даже эти Часословы более согласуются с традицией богослужебных сборников, чем с САУ. В константинопольской редакции славословие присутствует также в ближайших греческих аналогах древнерусским Часословам – южноиталийских Орологиях типа Grottaferrata. Г.α.V (XII или XIII в.) и Мюнхен, Bayerische Staatsbibliothek. Gr. 320 (XIII в.). По всей видимости вся эта богослужебная традиция имеет своим истоком «первую редакцию» Студийского синаксаря, в которой славословие бытовало в константинопольской редакции, в пользу чего свидетельствует также и наличие в Часослове РНБ. Q.п.1.57 службы паннихис, характерной для Еврегетидтского синаксаря, но неизвестной по САУ. Что интересно, сами Часословы при богослужебных сборниках как раз содержат славословие только в иерусалимской редакции, вопреки данным Шестодневам. Эти противоречия наводят на мысль, что в древнерусском богослужении преобладало некое многообразие, восходящее к общему корню, которым можно обозначить то, что в недавней статье С. Фрэйшов назвал «агиополитским богослужением» Константинополя (в противовес Уставу Великой Церкви)³, а необязательно к чисто студийской традиции. Поэтому второе положение, выносимое на защиту диссертантом, что «несмотря на различия, состав последований САУ и часословов довольно близок, и при условии использования как текста САУ (в различных его списках), так и указаний часословов (в их совокупности), возможна близкая к полноценной характеристика дневного круга студийской традиции» кажется основанным на неверной гипотезе о единстве этой древнерусской традиции. Более корректно было бы говорить о существовании на Руси разных богослужебных традиций, которые, конечно, имеют много общих характеристик, т. к. восходят к одному корню, но, тем не менее, и ряд принципиальных различий. Хотелось бы увидеть в диссертации более четкую классификацию сохранившихся памятников по признакам, указывающим на эти разные традиции: келиотскую, монастырскую, кафедральную; соответствующую чистой студийской традиции или первой или последующим редакциям Студийского синаксаря.

В третьей главе диссертации предпринимается рассмотрение седмичного, триодного и минейного богослужебных циклов на основании корпуса древнерусских Октоихов, Триодей и Миней. Данная задача весьма сложна, и нельзя сказать, что диссертант справился с ней до конца. В начале главы (с. 159–160) диссертант воспроизводит суждение, высказанное в более поздних работах А. М. Пентковского, о наличии в сохранившейся рукописной традиции двух корпусов богослужебных книг: одного, связанного с САУ, и другого, отражающего более ар-

2 Шугаев И., свящ. Древнерусские богослужебные сборники XIV в.: Историко-литургический анализ. Дисс. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 1999. Особенно см. с. 159, 163–164.

3 Frøyshov S. The Early History of the Hagiaopolitan Daily Office in Constantinople: New Perspectives on the Formative Period of the Byzantine Rite // *Dumbarton Oaks Papers*. 2020. No. 74. P. 351–382.

хаическую систему. Далее происходит некая путаница: диссертант, пересказывая мысли А. М. Пентковского о неконстантинопольском происхождении архаического корпуса древнерусских книг, почему-то относит их к корпусу книг, связанных с САУ. По крайней мере, кажется странной формулировка диссертанта, что «мы отнюдь не считаем САУ и древнерусские богослужебные книги XI–XIV вв. полностью согласованной системой. Тем не менее древнерусское богослужение XI–XIV вв. рассматривается нами как единая система ... внутри которой имеется значительное многообразие вариантов». Кажется, что связь с САУ корпуса богослужебных книг, условно называемых «студийскими», должна выступать в качестве гипотезы данной главы. В более или менее полном объеме эта гипотеза проверяется диссертантом только для Триодей (см. с. 201 и далее), где диссертант приходит к выводу, что более всего САУ соответствуют Постная триодь РНБ. Погод. 41 и Цветная триодь РГАДА. Тип. 138 (в целях ясности, кажется следовало бы удалить сноску 964, где эти выводы приводятся до того, как они подтверждаются исследованием). Однако и здесь исследование можно было бы построить иначе и более ясным способом: сопоставлять с САУ имеет смысл лишь Триоди «гимновского» типа (к которому как раз относится Погод. 41) и, путем сопоставления гимнографии, можно построить более узкую типологию этих памятников, выявив те из них, которые ближе соответствуют САУ.

Менее проработан в диссертации анализ служебных Миней. Сначала диссертант описывает особенности месяцеслова в САУ, что во многом является повторением исследования, проделанного в работе архим. Феодосия (Короткова)⁴. Рассмотрение структуры этого цикла приводит диссертанта к формулировке третьего положения, выносимого на защиту, что «строение церковного года студийского периода имеет ряд существенных особенностей, отличающих его от современного» (с. 30). С этим утверждением невозможно поспорить, но, как кажется, оно вытекает уже из исследования архим. Феодосия, которое диссертант лишь местами уточняет. Интереснее четвертое положение, выносимое на защиту: сравнение корпуса богослужебных книг с САУ «продemonстрировало, что САУ не является единственным регулятором богослужения Древней Руси, его следует рассматривать в качестве координатора или ведущего ориентира древнерусской литургической практики» (с. 31). С этим положением, конечно, можно согласиться. Однако оно кажется несколько слабым. Во-первых не совсем понятна разница между «регулятором» и «координатором». Но, что более важно, хотелось бы опять отойти от гипотезы о единстве богослужения Древней Руси и сформулировать положение о том, для какого богослужения САУ являлся ориентиром, и какие книги использовались за ним. Если верен тезис диссертанта, высказанный в первом положении, о бытовании САУ в монастырской и кафедральной версиях, то кажется с САУ в большей степени должны быть согласованы служебные Миней и, в некоторой степени, Триоди и Октоихи, которые, возможно, также существовали в двух разных редакциях, монастырской и кафедральной. С другой стороны мы имеем богослужение келейное и малых монастырей, где использовались богослужебные сборники, содержащие Праздники и Шестоднев, и, таким образом, не нуждающиеся в Минейх, Триодях и Октоихах. Кстати, можно отметить, что состав триодной и праздничной гимнографии в этих сборниках должен отличаться от состава «гимновских» Триодей и «типографских» Миней, но эта гипотеза также не проверяется диссертантом (ср. сноску 964 – сборники будут «привлекаться по мере необходимости» – и текст на с. 202 и далее, где эти сборники никак отдельно не выделяются при сравнении; наоборот, САУ противопоставляется РГАДА. Тип. 137 [«Триодь Моисея Киянина»], которая заведомо отличается по составу от САУ ибо принадлежит к корпусу «достудийских» книг).

Из третьей главы диссертации явствует, что Миней, Триоди и Октоихи далеко не всегда и не во всем согласны с САУ. Почему это так? В диссертации это не объясняется. Но это наталкивает на более глобальную мысль. Объяснение, наверное, необходимо искать не только путем сравнения этих богослужебных книг друг с другом и с САУ, а также путем их сравнения с греческой рукописной традицией, т. е. путем поиска греческих типологических ориги-

4 Феодосий (Коротков), архим. Первоначальный общежительный устав русских монастырей. М., 2017. Особенно с. 218–222.

налов для славяно-русских богослужебных книг. В отсутствии такого привлечения греческих аналогов и заключается второй методологический недостаток рецензируемой диссертации: древнерусское богослужение не только не следует считать единой системой, но нельзя и рассматривать вне сравнения с византийскими богослужебными традициями, которые породили его, причем у этого процесса в указанную эпоху как минимум два центра – Константинополь, откуда принесен САУ, и (предположительно) Афон, к которому восходят богослужебные сборники. Впрочем, привлечение греческих источников, типология и характеристики которых пока еще не достаточно разработана, усложнило бы и до того весьма насыщенное исследование. Приходится смириться с тем, что картина древнерусского богослужения пока описана далеко не до конца, а вопрос о степени соответствия САУ и богослужебных книг «студийской традиции» во многом остается открытым.

Основные результаты диссертации представлены в 18 публикациях, из которых пять изданы в рецензируемых изданиях, входящих в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» («Перечень ВАК») в редакции от 12.02.2019 № 21-р., и на эти публикации присутствуют ссылки в тексте диссертации. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации.

В целом диссертация производит положительное впечатление. Она посвящена актуальной теме, ее выводы исходят из большого количества просмотренного диссертантом рукописного материала и изученной вторичной литературы. Несмотря на указанные замечания, которые, скорее, свидетельствуют о сложности заданной темы исследования, диссертация вносит ощутимый вклад в наше понимание древнерусского богослужения, а представленные диссертантом наглядные таблицы вполне могут использоваться при преподавании курса Истории богослужения в Русской Церкви, что свидетельствует о практической значимости рецензируемой работы. Таким образом, можно заключить, что рецензируемая диссертация представляет собой завершенное научно-квалификационное исследование, решающее актуальную для литургической науки задачу и, тем самым, соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016 № 335, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор диакон А. В. Щепёткин заслуживает присуждения ученой степени кандидата теологии по специальности 26.00.01 – теология.

Официальный оппонент
кандидат теологии,
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Религиозная организация —
духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Андреев Александр Андреевич

14.05.2021 г.

РО – ДООВО «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»
г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 (812) 717-33-51

Электронная почта: kancilaria@yandex.ru

*Подпись руки Андреева А.А.
заверено.*

Зав. канцелярией СПбДА

О. Токмаева 14.05.2021